

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ О ПУНИЧЕСКИХ ВОЙНАХ

Западногерманская историография античности — одна из самых представительных в исследовании Пунических войн. И хотя исследования большинства западногерманских ученых нельзя назвать марксистскими, они близки к ним. Историки-античники ФРГ во многом по-новому осветили историю борьбы Рима с Карфагеном за господство в Средиземноморье. Так, А. Хеус в монографии «Первая Пуническая война и проблемы римского империализма (к политическим оценкам войны)»¹ отмечает, что столкновение Рима с Карфагеном — это и первая фаза римского империализма, о политическом фоне которой мы недостаточно осведомлены. Автор отмечает, что в историографии нет единой политической оценки предыстории Пунических войн.

А. Хеус, тщательно исследовав Мессанский конфликт и отношение сиракузского тирана Гиерона к происходящим событиям, осветил конфликт Рима с Карфагеном и описал ход военных действий первой войны. Отрадно отметить, что книга лишена модернистских измышлений, тенденциозных заявлений. Это серьезное, заслуживающее внимания исследование сложной проблемы античной истории.

Не менее сложная предыстория второй войны, которой посвящено исследование К.-Х. Шварте «Начало второй Пунической войны — юридический вопрос и традиция»². Исследование выделяется не только постановкой ряда актуальных проблем, но и четкой разработкой их, начиная от заключения Гасдрубалом договора (Эбро) с Римом и до захвата и уничтожения Ганнибалом Сагунта, что привело к войне. Все эти события — неизбежное следствие акции Ганнибала в Иберии, утверждает автор.

В предыстории войны, верно замечает ученый, принципиальную роль сыграл полибианский взгляд на происходящие события, который стал поводом для противоречивых измышлений в позднейшей историографии. Послеполибианские анналисты, пишет К.-Х. Шварте, опираясь на фиктивные данные Фабия Пиктора о тогдашнем положении, деформировали римскую правовую позицию относительно объявления войны Карфагену. В их изображении договор оправдывал цель. А поэтому анналистам приходилось прибегать к различным измышлениям, вплоть до фальсификации традиционных данных о начале войны. Так, в изучении предыстории второй Пунической войны возник «юридический вопрос». Поэтому ученый определил конечную цель своего исследования — не следовать реконструкции исторических обстоятельств, а проверить степень достоверности повествования Полибия и на основе результатов новейшей полибианской критики составить картину начала войны (гл. 3). Историк скрупулезно исследовал сведения от Фабия Пиктора до Тита Ливия и верно назвал их «мотивами и тенденциями деформированной традиции» (гл. 4). Это заставило его посвятить критике источников основного вопроса отдельную главу: Фабий Пиктор в полибианском изображении начала второй Пунической войны.

След Фабия перешел и в послеполибианскую анналистику, поэтому К.-Х. Шварте изучил события и по Силию Италику, выявил недостатки ливийской хронологии и нашел противоречия у Тита Ливия в повествованиях о двух римских посольствах в Карфаген, сопоставил текст римского договора по Диону Кассию и Аппиану. Рассмотрение указанных вопросов определило другую не менее важную сторону проблемы — Сагунт. От нее зависел основной юридический вопрос — начало войны (гл. 2).

Предыстории и истории Пунических войн пристальное внимание уделяет Х. Беллен. Его монография «Угроза галльская — угроза пуническая: паннические настроения в Римской республике»³ посвящена анализу взаимосвязи двух смертельных опасностей Риму. Непосредственным поводом галльской угрозы, пишет автор, послужил раздел земли галлов римскими гражданами, что приблизило новую войну с Карфагеном (Ганнибалову войну). Старая опасность со стороны галлов перемешалась с новой — пунической. Получается, продолжает Х. Беллен, что одна угроза периодически вытекала из другой (пуническая из галльской, галльская из пунической). Эти угрозы неоднократно совмещались. Пример тому — сражение при Метавре (207 год до н. э.), где на стороне Гасдрубала сражалось много галлов, а левый фланг его войска полностью состоял из них. Рим трижды (в 216, 211, 207 годах) за десять лет войны переживал опасности нападения со стороны галлов.

Сципионы, делает вывод немецкий ученый, в результате Пунических

войн и уничтожения Карфагена избавили Рим от угрозы пунической. И только Цезарь, покорив галлов, избавил римлян от галльской угрозы.

Некоторые сведения о разрушительной второй Пунической войне содержатся в научно-популярной книге «По следам Ганнибала» Г. Фабера⁴.

Успех на полях сражений нередко зависел от содержания и оперативности решений римского сената. «Структура и деятельность римского сената в 218—201 гг. до н. э.» — так называется докторская диссертация У. Таммлера⁵. Богатый материал нарративных источников позволил автору определить значение высшего органа власти в ведении войны с Ганнибалом. На убедительных примерах вскрывается роль сената во внутренней и внешней политике Рима. Действительно, как верно замечает У. Таммлер, от правильно принятых решений сената во многом зависел исход войны. Прежде всего это касалось изменений во внутренней политике, выразившихся в более гуманном отношении к плебсу и союзникам-италийцам.

Глубоко проанализированы автором решения сената о выборах магистратов и о совместных действиях сената и магистратур по преодолению трудностей, о диктатуре в период кризисов, о финансах и налоговой политике, о цензах, о двенадцати колониях, изменивших Риму.

Во внешней политике сенат сделал смелый шаг: принял постановление о введении новых культов божеств — восточной богини Кибелы и греческой Венеры Эрицинской. Из рассуждений ученого видно, что во взаимоотношениях Рима с государствами важную роль играла религия. В годы второй Пунической войны таким связующим звеном его с Этолийским союзом и Пергамом стал культ восточной богини Кибелы и греческой Венеры Эрицинской. Культ новых божеств в Риме принял политическую окраску, способствовал установлению дружественных контактов и сыграл положительную роль в войне с Ганнибалом.

Несколько исследований западногерманской историографии посвящены отношению Капуи и ее общин к Ганнибаловой войне. На базе римской анналистики Ю. Унгерн-Штернберг в монографии «Капуя во второй Пунической войне»⁶, вопреки установившемуся в науке положению о виновности Капуи и ее жителей в отпадении от Рима в столь трудный для римлян час, по-новому трактует эту проблему. По его мнению, вина разрыва Капуи с Римом лежала не в меньшей мере на Риме. Мы не можем не согласиться с мнением автора в том, что отпадение Капуи от Рима в 216 году после битвы при Каннах и ее возвращение в 211 году — это два важнейших переломных момента в борьбе Рима с Ганнибалом.

Интересно в этом же плане и исследование Е. Бурка «Силий Италик: Ганнибал в Капуе и возвращение города римлянам»⁷. Автор напоминает, что эпическое произведение римского поэта Силия Италика «Пуника» занимает достойное место в исследовании войн Рима с Карфагеном. Одиннадцатая книга поэмы пространно повествует о марше Ганнибала по Италии и о завершающем переломном моменте войны — событиях, связанных с Капуей, вторым по величине и по значению городом Римской республики.

После поражения Рима при Каннах, сообщает автор, ряд италийских общин и городов отпал от римлян и перешел на сторону Ганнибала. Кульминацией этого перехода была Капуя. В поэме, как верно замечает Е. Бурк, Силий Италик (XI, 30) это отпадение сравнивает с отпадением племен кельтских и называет его трагичным.

Вторая часть этого исследования — возвращение Капуи римлянам. Интересные сведения приводит Е. Бурк о тактике осады римлянами Капуи, о вступлении римлян в город и наказании капуанцев, а также о маневре Ганнибала и его марше на Рим. Не модернизируя событий и соблюдая объективный подход к источникам, ученый убедительно доказал большую зависимость повествования Силия Италика от описания событий Титом Ливием, несмотря на ряд расхождений.

В изучение Рима и Карфагена в период между второй и третьей Пуническими войнами и особенностей ведения третьей войны много ценного вносит ученый Х. Тренкле в труде «Катон в четвертой и пятой декадах Ливия»⁸. Автор замечает, что, «пожалуй, каждый читатель обратит особое внимание на симпатию, которую Ливий уделял старому Катону...» (с. 3). Катон, как следует из источников и названного исследования, достиг апогея карьеры, получив консулат и цензорство. Римская Республика многим обязана этому человеку, оказавшему ей неоценимую услугу в укреплении государственной системы.

К исследованию Х. Тренкле по целям и задачам примыкает монография Е. Мейснера «Луций Эмилий Павел Македонский и его значение для Рим-

ского государства (229—160 гг. до н. э.)»⁹. Второй консулат Л. Эмилия Павла, говорит автор, способствовал существенной переориентации во внешней римской политике: наступление на Восток (Сирия и Египет), хотя важнейшей проблемой продолжала оставаться война против Персея (Македония). Победа под Пидной увенчала славой не только победителя Луция Эмилия Павла, прозванного Македонским, но и разрушителя Карфагена П. Корнелия Сципиона Эмилиана. Победа над Македонией, делает обоснованный вывод автор, поставила на карту судьбу Селевкидского государства и Египта.

Риму эпохи Пунических войн и его состоянию в последующие годы посвящена монография К. Христа «Кризис и падение Римской республики»¹⁰. Ученый несколько преувеличивает роль государственных деятелей: Сципионов, Катона, Гракхов, Гая Мария и др., определявших, по его мнению, внутреннюю и внешнюю политику Рима (с. 7). Ганнибалову войну он считает началом кризиса Республики. В связи с этим К. Христ вступает в полемику с историками-марксистами, отстаивая мнение, что кризис Республики возник не вследствие внутренней классовой борьбы (социальной революции), как трактуют историки-марксисты, а как результат простой смены политических форм власти — республики империей.

Итак, западногерманская историография античности за последние два десятилетия внесла существенный вклад в дальнейшую разработку актуальнейших проблем истории войн Рима с Карфагеном. Тщательное исследование сложных вопросов предыстории событий и хода военных действий, деятельности высшего органа власти сената, отношения некоторых общин италиков к войне, положения Рима и Карфагена в период между войнами — все это стало достоянием не только историографии ФРГ, но и мировой античной науки.

¹ См.: Heuss A. Der erste Punische Krieg und das Problem des römischen Imperialismus (Zur politischen Beurteilung des Krieges). Berlin, 1970.

² См.: Schwarte K.-H. Der Ausbruch des Zweiten Punischen Krieges: Rechtsfragen und Überlieferung. Wiesbaden; Steiner, 1983.

³ См.: Bellen H. Metus Gallicus — metus Punicus: zum Furchtmotiv in der römischen Republik // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1985. № 3.

⁴ См.: Faber G. Auf den Spuren von Hannibal. München, 1983.

⁵ См.: Tammner Y. Der römische Senat in der Zeit des zweiten punischen Krieges (218—201). Bonn, 1977.

⁶ См.: Unger-Sternberg J. Capua im zweiten Punischen Krieg: Untersuchungen zur römischen Annalistik. München, 1975.

⁷ См.: Burck E. Silius Italicus: Hannibal in Capua und die Rückeroberung der Stadt durch die Römer // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1984. N 13.

⁸ См.: Tränkle H. Cato in der vierten und fünften Dekade des Livius // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1971. N 4.

⁹ См.: Meissner E. Livius Aemilius Paullus Macedonicus und seine Bedeutung für das Römische Reich (229—160 v. Chr.). Bischberg / Oberfranken, 1974.

¹⁰ См.: Christ K. Kriege und Untergang der Römische Republic. Darmstadt, 1979.

А. А. ЛЕВШЕВИЧ

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

2(14) сентября 1829 года Турция и Россия подписали Андрианопольский мирный договор. Статья пятая договора восстанавливала и расширяла автономные права Дунайских княжеств. Им предоставлялась «свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли» с окружающим миром. В развитие этих положений к основному тексту договора прилагался особый акт «Об утверждении преимуществ для княжеств Молдовы и Валахии». Автономные права двух этих придрунаиских государств были не только детально изложены, но и стали объектом международного права, получили гарантию в акте большого значения и ответственности. В нем оговаривалось освобождение жителей от обременительных поставок сырья и продовольствия для Константинополя по произвольно назначавшимся и значительно заниженным турецкими властями ценам. Вместо этого они вносили в казну раз и навсегда зафиксированную дань. Порты запрещала пашам окружающих княжества.